

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ИНТЕРАКТИВНЫЕ РИТУАЛЫ И МОДЕЛИ СБОРКИ

М.Г. Агапов, Ф.С. Корандей

Описываются и интерпретируются основные модели университетских интеллектуальных сообществ как особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей на примере исторического факультета Тюменского государственного университета. На этом материале нами рассматриваются в качестве конституирующего элемента интеллектуальных сетей такие базовые интерактивные ритуалы, как лекция и диспут. На основе различия характера среды и структуры коммуникаций выделяются три модели университетских интеллектуальных сообществ: «академия», «клуб» и «салон».

Ирвинг Гофман, Ренделл Коллинз, интеллектуальные сообщества, интерактивные ритуалы, университет.

В лексиконе социальных наук трудно найти понятие более растиражированное и менее определенное, чем «сообщество» [Вахштайн, 2011; Парк, 2008; Поплавский, Черепанов, 2012; Blackshaw, 2010; и др.]. Что в таком случае можно сказать об «интеллектуальных сообществах» — соединении «сообщества» с еще одним «трудным» термином гуманитаристики? Ничего вразумительного, если предварительно не прояснить базовые понятия. Первым шагом на пути обретения ясности является выбор метафоры как формы научного мышления [Ортега-и-Гассет, 2003, с. 217]. «Метафоры могут оказаться полезнее прямолинейных описаний. Метафоры могут выявить те контекстуальные различия, которые остаются скрытыми при точном, буквальном выражении» [Кун, 2003, с. 332]. Метафора (от гр. перенесение) — это перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту [Метафора, 1998]. Говоря об эвристическом потенциале метафоры, Дж. Урри определяет ее как фигуративную идею, «понимание и восприятие одного типа вещи в терминах другой». Дж. Урри отмечает: «как бы ни были сложны отдельные теории общества, в большинстве своем они покоятся на достаточно простых фигуративных идеях, позаимствованных из других академических областей, прежде всего из биологии, физики, географии и экономики» [2012, с. 41]. Действительно, в истории социологии и социальной антропологии можно выделить ряд фундаментальных метафор социальной реальности, образующих теоретико-методологический каркас соответствующих социологических традиций: органическая метафора (теория систем, структурный функционализм и др.), метафора здания (теории классовой борьбы и революций и др.), обмена (теория рационального выбора, интеракционизм и др.), потока (социология повседневности) и др.

Согласно традиции, заложенной М. Кастельсом, Г. Уайтом, Б. Латуром и др., современное общество может быть рассмотрено как сеть взаимоотношений, совокупность сетевых структур¹. «Образ сети отражает *пространственную неравномерность* ткани социальной жизни... для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости» [Василькова, 2012, с. 17]. Важно подчеркнуть, что в отличие от базовой для социологии второй половины XX в. классической теории систем (Т. Парсонс), которая «была приспособлена для описания порядка и стабильности, для описания обобщенных структур основанного на рациональности общества», кластер теорий, возникших в начале 1980-х гг. в результате «институализации» метафоры сети, «обладает средствами для описания динамики и изменчивости» [Там же, с. 22]. В данном случае мы предполагаем рассматривать вышеуказанную динамику через призму *интерактивных ритуалов* интеллектуальной среды, методы анализа которых были разработаны во второй половине XX в. американскими микросоциологами И. Гофманом и Р. Коллинзом (фрейм-анализ). В центре нашего внимания, таким об-

¹ Подробнее о теоретических моделях общества, базирующихся на сетевой метафоре, см.: [Сети..., 2012].

разом, оказывается коммуникация, или, как это определяет Р. Коллинз, занимавшийся интеллектуальными сообществами в философии, «общность человеческих коммуникативных операций» (*generality of human communicative operations*) [Collins, 2000, p. 875] или «цепочки интерактивных ритуалов» (*interaction ritual chains*) [Collins, 2004].

Целью настоящего исследования является описание и интерпретация основных моделей сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ как фрагментов, узлов, особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей на примере одного факультета регионального классического вуза — Тюменского государственного университета (ТюмГУ). Важно отметить, что в отличие от многих других региональных классических университетов, которые возникли еще в дореволюционные годы (Томский государственный университет) или были созданы решениями уже советского правительства с целью развития стратегически значимых промышленных регионов (Уральский государственный университет, Новосибирский государственный университет), первый тюменский вуз не мог опереться ни на академические традиции — в Тюмени не было даже полного гимназического образования, ни на массивную помощь Минвуза СССР — до конца 1960-х гг. Тюмень и регион в целом оставались заштатным местом без значимых в масштабах страны производств [Панарин, 2001, с. 128]. Таким образом, на примере ТюмГУ, точнее, одного из его факультетов — исторического мы можем рассмотреть основные этапы и особенности генезиса моделей сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ с самого момента их возникновения.

Выбор среди прочих факультетов исторического объясняется следующими обстоятельствами: 1) исторический факультет является обязательным сегментом классического университета; 2) исторический факультет возник в стенах предшественника ТюмГУ — Тюменского государственного педагогического института (ТГПИ), прошел долгий путь развития², что дает возможность проследить на его примере возникновение и развитие основных моделей сборки интеллектуальных сообществ в продолжительной временной перспективе; 3) на историческом факультете интеллектуальные сообщества оказались представлены в наиболее разнообразном виде.

Эмпирический материал исследования включает работы по истории истфака ТюмГУ, воспоминания его ветеранов, а также результаты наблюдения за деятельностью интеллектуальных сообществ факультета в 1990–2000-е гг., зафиксированные в листах наблюдения, представленные в форме аудио-, фото- и видеоматериалов. Важную часть эмпирической базы исследования составили материалы интернет-блогов интеллектуальных сообществ факультета, интервью с руководителями и участниками последних.

Наконец, нельзя не отметить, что данная работа принадлежит к жанру автоэтнографии, что накладывает на авторов некоторые ограничения. В то же время, как представляется, именно наша эмоциональная вовлеченность в процессы, история и современность которых анализируются в данной работе, является движущим мотором рефлексии. Одним из лейтмотивов недавнего обзора автоэтнографических исследований академической науки, выполненного С.В. Соколовским, был тезис о том, что антропология академии ныне не отличима по своим методам как от социологии науки, так и от критики философских оснований мировоззрения этого сообщества, его повседневной истории [Соколовский, 2010]. Это утверждение с достаточной полнотой характеризует инструменты, избранные для нашего исследования.

Отличительными чертами интеллектуальной коммуникации, согласно теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза, являются следующие. Во-первых, в качестве сакрального объекта (*sacred objects*) (т.е. того, что фокусирует внимание участников интеракции и репрезентирует в их сознании состоявшийся интерактивный ритуал [Прозорова, 2007, с. 64]) коммуникаций такого типа предстает «истина». «Истина» является царствующим сакральным объектом для ученого сообщества, как «искусство» — для литературно-художественных сообществ; эти объекты являются для них одновременно высшими познавательными и нравственными категориями, средоточием высшей ценности, исходя из которой судят обо всем остальном. Как показал Блур на примере математики, интеллектуальная истина имеет все характеристики, установленные Дюркгеймом для сакральных объектов религии: истина трансцендентна по отношению к индивидам, объективна, имеет принудительный характер и требует уважения» [Collins, 2000, p. 19]. Во-вторых, интеллектуальные сообщества «обращены вовнутрь, ориентированы на обмен ско-

² Факультет неоднократно менял название: 1945–1950 гг. — исторический, 1950–1980 гг. — историко-филологический, 1980–1986 гг. — историко-юридический факультет, 1987–2000 гг. — исторический, с 2000 г. — факультет (позже — институт) истории и политических наук.

рее между собственными участниками, чем с аутсайдерами» [Collins, 2000, p. 24]. Во многом это обусловлено эзотеричностью (в куновском значении этого слова) языка и проблематики интеллектуальных коммуникаций. В-третьих, «интерактивный ритуал» (interaction ritual) интеллектуальных сообществ включает в себя «ситуации, когда интеллектуалы собираются вместе ради серьезного разговора, причем не направленного на социализацию и не имеющего практического характера» [Ibid., p. 24]. Таковыми ситуациями являются лекции, семинары, конференции, круглые столы и т.п. От всех прочих собраний интеллектуальные отличаются «особой природой фокуса внимания и отношением между выступающим и аудиторией» [Ibid., p. 26]. Ключевым элементом интеллектуальных коммуникаций выступает «лекция или формализованный спор (диспут), т.е. некоторый отрезок времени, в течение которого один человек выступает с речью, представляя развернутую аргументацию по определенной теме». Внимания участников интеракции фокусируется на организованном таким образом «едином потоке рассуждений». Отношениям между выступающим и аудиторией (в том случае, если речь идет о реальной интеллектуальной коммуникации, а не о ее имитации) присущ составительный характер. «Фундаментальная характеристика интеллектуальных структур состоит именно в том, что задаются вопросы и ведутся споры; также часто происходят взаимные опровержения в круговой структуре, напоминающей равным образом кольцо кула, потлач и вендетту. Даже когда интеллектуалы сидят молча, составляя аудиторию лекции или доклада, они осознают свою роль» [Ibid., p. 28].

В данной работе представляется важным проблематизировать именно последний аспект — «интерактивные ритуалы», как ключевой элемент практики интеллектуальных сообществ г. Тюмени 1950–2010-х гг. В данном случае акцент будет сделан на экстраординарных собраниях, лежащих вне рамок учебного плана, которые с 1990-х гг., как только это стало официально возможно, приобретают характер публичных лекций и семинаров. Ситуации экстраординарной публичной лекции посвятил в свое время специальную работу И. Гофман [Coffman, 1981]. Определяющими характеристиками данной формы публичной речи, по Гофману, являются возможность ритуального доступа аудитории к теме, в которой разбирается говорящий, и особая значимость, торжественность события, в процессе которого происходит сообщение аудитории некоторого текста. При этом, утверждал Гофман, на определенном уровне для нас не имеет значения, что за текст передает лектор в ситуации такой лекции,— сама эта ситуация служит более высокой цели, передавая, при посредничестве обладающего соответствующей репутацией лектора, осмысленный образ мира. «Даже когда говорящий негласно претендует на то, что только его научная дисциплина, его методология или его данные могут дать верную картину, за этой негласной претензией скрывается другая негласная претензия — утверждение самой возможности существования таких верных картин (valid pictures)» [Ibid., p. 195]. На наш взгляд, именно риторика поиска таких «верных картин» представляет собой наиболее характерную черту внутреннего полилога рассматриваемого университетского сообщества на протяжении нескольких десятилетий его развития.

«Говорить о сообществе — значит говорить метафорически или идеологически», — замечает Дж. Урри [2012, с. 194]. Мы пойдем первым путем. Модели сборки университетских интеллектуальных сообществ могут быть выделены на основе системы различий, предложенной Ж.-П. Сартром для анализа писательских сообществ [1999]³. Французский философ выделяет три типа таковых: «академия», «клуб», «салон». В основу классификации положены два критерия: характер среды и порядок (структура) коммуникаций.

Тип	Среда	Порядок (структура) коммуникаций
Академия	Гомогенная	Вертикальная
Клуб	Гомогенная	Горизонтальная
Салон	Гетерогенный	Горизонтальная

«Академия», «клуб» и «салон» представляют собой три разных локальности — три типа сред или контекстов взаимодействия. Разработанная микросоциологами, в частности Э. Гидденсом, категория «локальность» ориентирует нас на изучение ситуативных социальных взаимодействий, в данном случае интеллектуальных интеракций, с учетом условий, в рамках которых эти взаимодействия происходят. «Локальности определяются в показателях их физических

³ Авторы выражают признательность В.С. Вахштайну, обратившему их внимание на работу Ж.-П. Сартра в ходе обсуждения проекта по исследованию городских интеллектуальных сообществ.

характеристик — как свойства материального мира или, в большинстве случаев, как комбинации последних с артефактами человеческого общества» [Гидденс, 2005, с. 185]. Развивая подход Э. Гидденса, Дж. Урри обращает особое внимание на значимость материальных объектов для конструирования локальностей: «Концепции сообщества излишне сосредоточены на людях и их взаимодействиях и упускают из виду роль объектов, то, что Хедерингтон называет “материальностью места” ... В “Жатве” [картина Питера Брейгеля Старшего, 1565 г.] дерево и церковь служили выстраиванию деревни как особого места проживания» [Урри, 2012, с. 193, 202–203]. В нашем случае важна «материальность» самого университета — его кафедр, учебных аудиторий, читальных залов, различных «закутков» — словом, всех тех регионов, в пределах которых участники интеллектуальных групп «достаточно часто собираются лицом к лицу, выстраивая интенсивные обмены ритуального взаимодействия, выковывая идеи-эмблемы, разрабатывая идентичности (основы самосознания), генерируя потоки эмоциональной энергии» [Collins, 2000, р. 21]. Как бы ни было, «условия, способствующие объединению людей в условиях одной локальности, не следует считать само собой разумеющимися — напротив, необходимо подвергать их тщательному анализу» [Гидденс, 2005, с. 205]. Следует помнить и о том, что всякое интеллектуальное сообщество, конституируемое коммуникациями описанного типа, оказывается встроенным в сеть диахронных (от одного поколения к другому) и синхронных (с коллегами — единомышленниками или соперниками) связей. При анализе интеллектуальных сообществ это обстоятельство также необходимо учитывать.

«Академия» у Ж.-П. Сартра представляет собой сообщество писателей, находящихся на содержании у государства: «Их содержит король, читают избранные, единственной заботой их становится соответствовать ожиданиям этого узкого круга» [Сартр, 1999, с. 81]. «Академии» соответствует университет как «федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования». «Академия» — это совокупность всех руководящих (ученые советы) и аттестационных (диссертационные советы) органов университета; его структурных подразделений — учебных и научно-исследовательских институтов (кафедр, лабораторий, центров и т.д.), служб управления (в том числе — учебно-методического), подразделений обеспечения деятельности университета (в том числе — информационно-библиотечный центр) и их мероприятий.

Родоначальником современного Института истории и политических наук был исторический факультет, созданный в 1945 г. в ТГПИ. Кафедра истории, начавшая свою работу в следующем году, состояла из пяти преподавателей [Бакулина, 2005, с. 8]. В основном это были школьные учителя с большим стажем работы [Данилов, 2004, с. 358]. Никто из них не имел на тот момент ученой степени и звания, а некоторые — и необходимого образования: двум преподавателям кафедры была поставлена задача сдать экстерном экзамены и получить диплом о высшем образовании [Бакулина, 2005, с. 8]. Кафедра занималась исключительно преподавательской деятельностью. Перед ней стояла задача подготовить для образованной в 1944 г. Тюменской области собственных учителей истории. Для научной работы не было ни времени, ни библиотечных ресурсов, ни архивных фондов. В течение первых десяти лет существования кафедры ее сотрудники, за исключением создателя кафедры и ее первого заведующего П.И. Рощевского, не выступали на научных конференциях, не публиковали научных статей [Там же, с. 23]. Впрочем, материальная оснастка факультета необходимой литературой и доступ к архивам не являлись главными условиями превращения учительского сообщества в научное. Решение этой задачи было невозможно без внедрения в кафедральную жизнь академических практик уже сложившихся научных школ. Такое внедрение осуществлялось постепенно, главным образом благодаря привлечению к работе на факультете «варягов» из столичных и крупных региональных (Воронеж, Омск, Саратов, Свердловск, Томск, Ярославль) вузов. Те немногие из них, кто остался на кафедре, затем возглавляли ее, формировали коллектив. Между тем, как вспоминает проф. В.А. Данилов, выпускник Ярославского пединститута, около 20 лет возглавлявший истфак ТГПИ-ТюмГУ, «приглашать [преподавателей] из других городов было сложно из-за трудностей с решением вопроса о жилье, строительство велось минимальное», поэтому основной состав преподавателей рекрутировался из собственных «выпускников (как правило, уроженцев Тюмени)». В условиях отсутствия собственных аспирантуры и диссертационного совета (последний появился только в 1997 г.) этот путь, признает В.А. Данилов, оказался тупиковым [2004, с. 352].

Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки

За исключением немногочисленных свидетельств, относящихся к кругу П.И. Роцевского, первого заведующего кафедрой истории ТГПИ-ТюмГУ (о них далее), мы не имеем текстов, описывающих повседневность истфака пединститута в десятилетия, предшествовавшие открытию университета. Впрочем, довольно информативными в этом смысле являются письма М.Л. Левина, одного из «варягов», московского физика-теоретика, в силу печальных обстоятельств оказавшегося преподавателем на физическом факультете ТГПИ в 1951–1954 гг. Блестящие описания повседневной вузовской рутины постоянно появляются в его письмах Н.М. Леонтович. Многие из этих писем, собственно, и появились благодаря этой рутине — Левин писал их урядкой в процессе собраний и совещаний: «...Вообще же науками в Тюмени никто не занимается. В институте засилье методики, приходится бывать на всяких методических совещаниях, где, впрочем, иногда обсуждаются актуальные вопросы. Например, вчера — что делать учителю, если ученики кидают в него кусками штукатурки? Подумай сама (Письмо Н.М. Леонтович от 25 февраля 1952 г.). ...Устаю же я не от лекций и не от работы, а от бестолковых и бесконечных собраний и заседаний. На одном из них мне пришлось выступать. Я сообщил аудитории, что уравнения классической и квантовой электродинамики инвариантны относительно лоренцевых преобразований и, следовательно, выражают собой объективный закон природы. Это конкретное сообщение, продолжавшееся 3 минуты, потрясло аудиторию (они поняли, что я сказал!), и поэтому я удостоился быть упомянутым в списке выступавших (они-то, сердешные, говорили минут по двадцать, точнее говоря, не говорили, а читали по тетрадам) в областной прессе! О чем и сообщаю тебе с чеховской гордостью (Письмо Н.М. Леонтович от 15 марта 1953 г.)» [Левин, 1998].

В письмах Левина атмосфера и содержание церемониальных собраний института жестоко критикуются именно с точки зрения интеллектуала как такового: речь здесь, вне сомнения, идет об упомянутых Р. Коллинзом подобиях интеллектуального интерактивного ритуала, публичных рутинных событиях, которые предполагают имитацию церемониальных событий академической среды, но по сути таковыми не являются, поскольку не имеют самостоятельной цели разрывания мировоззрения, требующей от аудитории активного понимания [Collins, 2000, p. 26]. Подобного рода семинары формировали повседневную повестку дня ТГПИ на протяжении десятилетий: составленная в 2005 г. история исторического факультета повествует о занятиях 1964–1965 гг. по марксистско-ленинской эстетике и проблемам международного коммунистического движения, проводившихся на кафедре истории ТГПИ, причем составитель очерка, вероятно, как и М.Л. Левин, наблюдавший некогда такие собрания воочию, кажется, уверен в их невеликой интеллектуальной ценности. «В отчете партбюро факультета говорилось, что семинары проходили 1 раз в месяц, с докладами в 1965 г. выступили 12 человек. Скорее всего, в работе семинара было много формализма, тем не менее, занятия велись. В 1965 г. на факультете была проведена теоретическая конференция “Формирования марксистско-ленинского мировоззрения у студентов”» [Бакулина, 2005, с. 39].

Описанные Левиным на примере тюменских физиков парадоксы имитации научного курса имели прямое отношение и к историческому факультету. Как следует из воспоминаний студентов тех лет, формат семинаров был школярским: студентов «вызывали отвечать» [Дубовская, 2013]. Отмечается, что «практические занятия нередко сводились к чтению студентами плохо подготовленных рефератов» [Бакулина, 2005, с. 12]. Похоже, что первые поколения студентов истфака еще не владели в достаточной степени навыками формулировки собственной позиции, ведения дискуссии. Так, первый студенческий научный кружок, возникший в 1946 г., действовал меньше года: из 56 чел. первоначального состава в нем осталось только четверо [Там же, с. 15]. Наконец, нельзя забывать и о том, что работа кафедры и преподавание ее сотрудниками исторических дисциплин тщательно контролировалось властью в лице Тюменского обкома партии. «Мало кто решался демонстрировать самостоятельность мышления, поэтому преподавательским коллективом указания ЦК воспринимались как руководство к действию, официальный курс сомнению не подвергался» [Там же, с. 16–17]. Первые серьезные дискуссии среди историков ТГПИ фиксируются только после XX съезда КПСС, когда в центре внимания оказываются коллизии советской истории 1930-х гг. «Осторожные, но нарастающие споры по этим вопросам вспыхивали на заседаниях кафедры истории, в студенческой “курилке”» [Там же, с. 21].

Тон писем Левина, впрочем, меняется, когда он пишет о том, что было для него противоположностью институтской рутины,— неформальном общении с друзьями и коллегами, тюменскими интеллигентами, в числе которых был и руководитель кафедры истории ТГПИ П.И. Ро-

щевский. Квартира проф. П.И. Роцевского долгое время была своеобразной «меккой» деловых и праздничных встреч историков истфака [Там же, с. 23]. В центре внимания импровизированных собраний историков-преподавателей на квартире П.И. Роцевского часто оказывались важнейшие события внутренней и международной политики. По воспоминаниям дочери проф. Роцевского, Л.П. Роцевской: «вечерами молодые коллеги отца... собирались у нас, просматривали газеты и рассуждали о том, поздравление главы какого-то государства [советскому лидеру] напечатано только через столько-то дней. Значит, делали вывод посетители, дипломатические отношения СССР с данным государством несколько натянуты» [2009, с. 396, 397]. Обсуждение наиболее важных вопросов происходило, как правило, сначала в семейном кругу или с ближайшими товарищами, затем — на заседании кафедры.

Интересно заметить, что, хотя такие формы церемониальных собраний, как диспуты, беседы, «круглые столы», начиная с 1960-х гг. широко применялись во внеучебной работе со студентами истфака ТГПИ, преимущественно для разбора общественно-политических вопросов [Бакулина, 2005, с. 43, 44], в ходе семинарских занятий они использовались крайне редко и далеко не всегда успешно. В 1970-х гг. на семинарах проф. И.В. Степанова, имевшего многолетний опыт преподавания в ЛГУ, студенты-первокурсники истфака уже ТюмГУ «самостоятельно анализировали Русскую Правду, Повесть временных лет, Судебники или Соборное Уложение 1649 г. и в виде доклада выносили итоги своей работы на обсуждение во время практических занятий. Судя по тому, что за весь первый семестр на семинарах было обсуждено только 9 докладов, далеко не все студенты могли справиться с поставленными задачами. Перед третьекурсниками ставилась задача посложнее — они выполняли рефераты и доклады, используя не один, а ряд источников. При этом законченные работы оформлялись в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научным статьям. Для студентов новоиспеченного университета все это было в новинку» [Там же, с. 48–49].

Обретение статуса университета потребовало введения в практику новых интеллектуальных ритуалов. Вспоминает В.А. Данилов: «Пожалуй, наиболее сложным был переход от системы сдачи государственных экзаменов к написанию и защите дипломных сочинений. До этого главной формой письменных работ были рефераты, контрольные и курсовые сочинения. Очень часто они вызывали нарекания. Переход к дипломным работам занял два-три года, за это время основная масса выпускников научилась писать этот итоговый документ, но какая-то часть студентов была вынуждена для окончания обучения перейти в какой-либо из близлежащих пединститутов (Тобольск, Челябинск, Свердловск). В конце концов, все же удалось добиться поворота в сознании, помочь приобрести новые навыки» [Данилов, 2004, с. 351]. Включению студентов в научно-исследовательскую работу способствовало открытие на факультете специализированных кафедр: истории СССР (позже — отечественной истории), всеобщей истории (позднее разделившейся на кафедру древнего мира и кафедру новой истории и международных отношений), историографии и источниковедения, политологии. Под руководством ведущих преподавателей кафедр создавались студенческие научно-исследовательские группы.

Наличие фигуры руководителя, точнее было бы сказать, наставника является отличительным признаком коммуникативных операций, производящихся в «академии». Преподаватель, ведущий занятие или заседание научного кружка, «монополизирует дискурс», ему вверен «контроль над тем, кто получает слово», что «является главным средством утверждения власти на микроуровне» [Collins, 2000, p. 24]. Все вертикальные порядки коммуникаций со временем в большей или меньшей степени ритуализируются, что хорошо видно на примере «академических» коммуникативных операций. Зачастую «соблюдение процедуры», «формальных требований» ставится здесь во главу угла. Районирование мест проведения «академических» церемониальных собраний организовано таким образом, чтобы подчеркнуть главенствующий статус преподавателя. Преподавательский стол, кафедра, подиум отделяют преподавателя от студентов и одновременно противопоставляют его учащейся братии. Преподаватель имеет возможность увеличить или сократить символическую дистанцию между ним и студентами. Пространство аудитории может быть переоборудовано на время проведения диспута, например, по просьбе преподавателя студенты расставляют парты в форме «круглого стола». Но даже в этом случае структура дискурса остается односторонней, по крайней мере, до тех пор, пока преподаватель не начнет участвовать в споре на равных со студентами. Как свидетельствуют результаты наблюдения за студенческими исследовательскими группами истфака ТюмГУ, именно здесь, по мере развития группы, могут возникать устойчивые порядки «взаимных опро-

вержений в круговой структуре» [Ibid., p. 22]. Когда это происходит, можно фиксировать превращение учебно-исследовательской группы в собственно исследовательскую. Однако доминирующим порядком коммуникаций «академических» церемониальных собраний является вертикальный порядок. Члены государственных экзаменационных и аттестационных комиссий на экзаменах и защитах студенческих курсовых, бакалаврских выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, преподаватели на занятиях, студенческих научных конференциях — это все представители «короля», деятельность которых подчинена одной цели — оправдать ожидания «королевского двора». В данном случае неважно, кто именно является «королем» — партийные институты (как это было в советский период) или бюрократические (как мы наблюдаем это сейчас). С точки зрения принятой системы различения важно другое — деятельность «академии», равно как и деятельность внутри нее самой, всегда строится на отношениях власти и подчинения.

«Клуб» и «салон» как модели сборки университетских интеллектуальных сообществ появляются только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Их общей характеристикой является горизонтальный порядок коммуникаций. Различия обнаруживаются в параметрах сред: гомогенной в «клубах» и гетерогенной в «салонах». Ж.-П. Сартр описывает «клубное» сообщество как «эксцентрическую и утонченную касту, чьи контакты с остальным населением сведены к минимуму». Наоборот, «салон» представляет собой широкий и разнообразный круг собеседников, это «особый род приятного времяпрепровождения», помогающий «сблизить политиков, финансистов и высокопоставленных военных с литераторами» [Сартр, 1999, с. 145].

Первые «клубные» сообщества истфака ТюмГУ возникли на основе тех учебно-исследовательских групп, внутри которых сложились описанные Р. Коллинзом интеллектуальные интерактивные ритуалы. Их «кастовость» и «закрытость» достаточно условны. Речь идет о профессиональных — археологических, этнографических, медиевистических и т.п. «кастах». Они не столько «закрыты», сколько недоступны для непрофессионалов. Вхождение в «клуб» требует от новичка обладания определенным интеллектуальным уровнем или приложения серьезных усилий к его достижению. Вхождение в «салон», как будет показано далее, требует соблюдения иных условий. Приведем некоторые примеры «клубных» сообществ истфака ТюмГУ. В середине 1980-х гг. благодаря усилиям преподавателей кафедры истории СССР Н.С. Половинкина и С.В. Турова сложилась лаборатория истории и культуры Сибири. Другая группа сформировалась вокруг преподавателя кафедры новой истории И.В. Боброва. Итогом ее работы стала публикация в 2006 г. коллективной монографии «Протестантизм в Тюменском крае: история и современность» [2006]. Под руководством преподавателя кафедры политологии А.В. Семенова была организована неформальная «лаборатория политических исследований», результатом деятельности которой явилась публикация серии статей, анализирующих гражданско-политическую активность в Тюмени [Лобанова, Семенов, 2012; 2013а, б].

Если для групп Боброва и Семенова место собраний не имело принципиального значения (они проходили в свободных факультетских аудиториях, на кафедрах, часто вне стен университета), то группе Половинкина — Турова требовалось постоянное место как минимум для хранения собранных в экспедициях этнографических артефактов. Интересно проследить места пребывания и пути перемещения лаборатории истории и культуры Сибири в стенах ТюмГУ. Первоначально под помещение лаборатории была выделена неиспользуемая туалетная комната учебного корпуса истфака. В начале 1990-х гг. лаборатория получила более просторное помещение в новом общежитии ТюмГУ. Здесь же открылась первая постоянная экспозиция музея лаборатории. С начала 2000-х гг. лаборатория размещается в учебном корпусе Института истории и политических наук ТюмГУ. В ней сосредоточен архив полевых записей начиная с 1986 г., обширный фонд копий архивных документов, многие из которых опубликованы в издаваемых лабораторией сборниках документов «Сибирский раритет» [Бакулина, 2005, с. 122–125].

Традиция «салонных» собраний восходит к общественно-политическим диспутам, которые проводились комитетом ВЛКСМ истфака ТюмГУ в годы перестройки. Формат дискуссий подобного рода трудно определим. Если одни его участники представляли свою профессиональную позицию, то другие — исключительно политическую. Зачастую сакральный объект (sacred objects) диспута подменялся в ходе развития последнего: научный спор превращался в политический или наоборот. Интересно заметить, что таких сообществ, которые изначально возникали в формате «салона», на истфаке ТюмГУ было немного. Чаще всего в «салон» превращались сообщества, изначально создававшиеся как «клубы». В качестве примера можно назвать дей-

ствовавший на истфаке ТюмГУ в 2004–2007 гг. Свободный метафизический университет им. Хомякова, в 2007–2009 гг. — Центр гендерных исследований. Интересен случай действовавшего в 2011–2012 гг. научно-исторического (затем — дискуссионно-просветительского) общества «Ъ», которое возникло как «клуб», затем трансформировалось в «салон» и на финальном этапе своего существования вновь попыталось самореализоваться как «клуб».

«Салонные» собрания являются для их участников важным средством самовыражения, точнее, как сказал бы И. Гофман, «представления себя другим». Здесь, как замечает Ж.-П. Сартр, процветает «искусство салонных разговоров», «дамы и господа заняты сохранением своей культуры и манер» [Сартр, 1999, с. 126]. В данном случае — скорее наработкой и демонстрацией манер «университетских интеллектуалов». Иногда, как, например, во время выступления студентов ТюмГУ против объединения нескольких городских вузов в 2005 г., «салоны» превращались в места сбора студенческого протестного актива. Выраженная политизация университетских «салонов» нередко вызывала тревогу, а иногда и прямые санкции со стороны «академии». Другим атрибутом «салонных» «университетских интеллектуалов» является почти культуртреггерская установка на «просвещение».

При рассмотрении «салонной» деятельности как практики освоения университетского пространства трудно не заметить наличия в ней определенных этапов. Первые «салоны» собирались за пределами университетских стен (вспомним «мекку» П.И. Рощевского). В годы перестройки «салонные» собрания проходили на самом истфаке ТюмГУ, что примечательно — довольно часто не в аудиториях, а в просторных рекреациях учебного корпуса. В 1990-е гг. «салоны» устраивались в университетских аудиториях. При этом на время собрания пространство аудитории преобразовывалось посредством расстановки парт кругом. В это же время пространство университета стало оказывать сопротивление его колонизации разнообразными «салонными» сообществами. В университете появились охранники, аудитории закрывались. Теперь для проведения каких-либо неформальных мероприятий в университетских помещениях требовались специальные разрешения со стороны «академии». Организаторы «клубов» и «салонов» 1990-х — начала 2000-х гг. отмечают, что получение таких разрешений часто сопровождалось хождением по университетским административным инстанциям. Наконец, уже в 2000-е гг. некоторые «салоны», университетские по своему духу и составу, сами предпочли выйти за стены вуза, чтобы не быть зависимыми от его администрации. Ярким примером такого выхода является организация в 2011 г. университетскими преподавателями и аспирантами лектория «Свободный университет».

Итак, на основе различения характера среды и порядка (структуры) коммуникаций представляется возможным выделить три модели сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ как особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей: «академия», «клуб» и «салон». Названные модели представляют собой три разных типа ситуативных взаимодействий, в данном случае коммуникативных операций (communicative operations) или «цепочки интерактивных ритуалов» (interaction ritual chains), по-разному вписанных в материальное пространство университета. В строгом смысле интеллектуальные, согласно методике И. Гофмана — Р. Коллинза, интеракции происходят только в локале «клубов». В «академическом» и «салонном» локалах интерактивные ритуалы являются интеллектуальными скорее по форме, нежели по содержанию. Дальнейшие углубленные исследования университетских интеллектуальных сообществ, как на материале ТюмГУ, так и на материале других вузов, мы надеемся, покажут степень продуктивности предложенной в данной статье системы различений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Данилов В.А. Начало // Европа: Международный альманах. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Вып. 4. С. 350–365.
Дубовская Елена. Учитель Рощевский и его ученики // Тюменская правда. 2013. 16 мая.
Левин М.Л. Жизнь, воспоминания, творчество. Н. Новгород: ИПФ РАН, 1998. 592 с.
Рощевская Л.П. Государственные события 1950–1970-х годов в повседневной жизни и восприятии провинциального историка // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20–22 апреля 2009 г., Тюмень). Тюмень, 2009. С. 395–399.

Литература

- Бакулина Т.И. Факультет истории и политических наук: главы жизни. Тюмень: Мандр и К, 2005. 216 с.

Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки

- Василькова В.В.* Сети в социальном познании: От метафоры к метатеории // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 5. С. 11–24.
- Вахштайн В.* Производство сообществ: Событие, язык, коммуникация // 60 параллель. 2011. № 2. С. 72–81.
- Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
- Кун Т.* Логика открытия или психология исследования? // Т. Кун. Структура научных революций. СПб.: АСТ: Ермак, 2003. С. 327–364.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* От неучастия к действию: Гражданско-политическая активность в Тюмени в декабре 2011 — сентябре 2012 г. // Вестн. общественного мнения. 2012. № 4. С. 134–140.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* Протест, который (пока) не стал движением // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013а. С. 438–447 и др.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* Репертуар протестных действий: Опыт социокультурного анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 1. С.124–132.
- Метафора* // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 419–420.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры // Х. Ортега-и-Гассет. Бесхребетная Испания. СПб.: АСТ: Ермак, 2003. С. 217–237.
- Панарин С.М.* Тюмень: Утрата геополитической перспективы // Глобализация, федерализм и региональное образование: Сб. тез. всерос. конф. Тюмень, 2001. С. 125–132.
- Парк Э.* Социология, общество и сообщество // Вопр. социальной теории. 2008. Т. 2. С. 227–231.
- Поплавский Р.О., Черепанов М.С.* В поисках «реального» сообщества: Оценка численности прихожан Тюмени // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 153–158.
- Прозорова Ю.А.* Теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза: От микроинтеракции к макроструктуре // Журн. социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 1. С. 57–73.
- Протестантизм* в Тюменском крае: История и современность / Под ред. И.В. Боброва. СПб.: СПбГУ, 2006. 222 с.
- Сартр Ж.-П.* Что такое литература? // Ж.-П. Сартр. Что такое литература? Слова. М.: Попурри. 1999. С. 5–260.
- Сети* в глобальном мире // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 5 (64). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.jourssa.ru/?q=ru/2012_5.
- Соколовский С.В.* Автоэтнография и антропологические исследования науки // Антропология академической жизни. М., 2010. Т. 2. С. 24–42.
- Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высш. шк. экономики, 2012. 336 с.
- Blackshaw T.* Key concepts in community studies. L.: SAGE Publications LTD, 2010. 220 p.
- Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 2000. 1098 p.
- Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2004. 464 p.
- Goffman E.* The Lecture // E. Goffman. Forms of Talk. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981. P. 160–196.

Тюмень, ИПОС СО РАН
tagarov74@gmail.com

Тюменский государственный университет
brecht_1@mail.ru

The article gives a description and interpretation of the main models of university intellectual communities as particular communication zones of intellectual networks by the example of the History Department of the Tyumen State University. Using this material, they consider such basic interactive rites as lecture and debate as a constituting element of intellectual networks. Basing on differentiation of the environment nature and structure of communications, they distinct three models of the university intellectual communities: «academy», «club» и «showroom».

Erving Goffman, Randall Collins, intellectual communities, interactive rites, university.